

**Прикладные аспекты лингвистической прагматики
(на материале исследования конфликтных текстов)
Applied aspects of linguistic pragmatics
(on a material of research of conflict texts)**

Аннотация

В работе рассматриваются некоторые проблемы современной лингвистической прагматики, связанные с праворегулированием. Пути решения правовых задач исследуются на материале конфликтных текстов.

Summary

In work some problems of modern linguistic pragmatics connected with right regulation are considered. Solutions of legal tasks are investigated on a material of conflict texts.

Ключевые слова

Прагматика, теория речевых актов, конфликтный текст, правовая лингвистика, языковая игра, лингвистическая экспертиза текста.

Key words

Pragmatics, theory of speech acts, conflict text, legal linguistics, language game, linguistic examination of the text.

Названия глав (рус. – англ.)

Вводные замечания

1. Теоретическая лингвистика vs. прикладная лингвистика: от противостояния к взаимообогащению

Introduction remarks

1. Theoretical linguistics vs. applied linguistics: from opposition to mutual enrichment

2. Коммуникативные тактики при речевых конфликтах: лингвопрагматический и социально-правовой аспекты

2. Communicative tactics at the speech conflicts: lingua-pragmatical and social and legal aspects

3. Языковая игра как средство воздействия на адресата (на материале текстов газетных публикаций)

3. Language game as a lever of influence on the addressee (on a material of texts of newspaper publications)

4. Лингвопрагматический и правовой аспекты исследования конфликтного текста (вместо Заключения)

4 . Lingua-pragmatical and legal aspects of research of the conflict text (instead of the Conclusion)

Прикладные аспекты лингвистической прагматики (на материале исследования конфликтных текстов) Applied aspects of linguistic pragmatics (on a material of research of conflict texts)

Аннотация

В работе рассматриваются некоторые проблемы современной лингвистической прагматики, связанные с праворегулированием. Пути решения правовых задач исследуются на материале конфликтных текстов.

Summary

In work some problems of modern linguistic pragmatics connected with right regulation are considered. Solutions of legal tasks are investigated on a material of conflict texts.

Ключевые слова

Прагматика, теория речевых актов, конфликтный текст, правовая лингвистика, языковая игра, лингвистическая экспертиза текста.

Key words

Pragmatics, theory of speech acts, conflict text, legal linguistics, language game, linguistic examination of the text.

Названия глав (рус. – англ.)

Вводные замечания

1. Теоретическая лингвистика vs. прикладная лингвистика: от противостояния к взаимообогащению

Introduction remarks

1. Theoretical linguistics vs. applied linguistics: from opposition to mutual enrichment

2. Коммуникативные тактики при речевых конфликтах: лингвопрагматический и социально-правовой аспекты

2 . Communicative tactics at the speech conflicts: lingvopragmaticesky and social and legal aspects

3. Языковая игра как средство воздействия на адресата (на материале текстов газетных публикаций)

3 . Language game as a lever on the addressee (on a material of texts of newspaper publications)

4. Лингвопрагматический и правовой аспекты исследования конфликтного текста (вместо Заключения)

4 . Lingvopragmatically and legal aspects of research of the conflict text (instead of the Conclusion)

Сведения об авторе

Ли Валентин Сергеевич;

доктор филологических наук, профессор;

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, факультет филологии, литературоведения и мировых языков, кафедра русской филологии; Казахстан, г. Алматы, просп. Аль-Фараби, 71; тел.: 3773339 (вн. 1324).

Дом. адрес: 050002. Казахстан, г. Алматы, ул. Жургенова, 8, кв. 47.

Дом. телефон: 3977251 (код г. Алматы: 727).

Моб. телефон: 8-777-3876600.

E-mail: li-vs@mail.ru

Information about the author

Lee Valentin;

Doctor of Philology, Professor;

Al-Farabi Kazakh National University, Faculty of Philology, Literary Studies and World Languages, Department of Russian Philology, Kazakhstan, Almaty, Ave. Al-Farabi, 71, tel.: 3773339 (ext. 1324).

House address: 050 002. Kazakhstan, Almaty, st. Zhurgenov, 8, Apt. 47.

Home Telephone: 3977251 (code of Almaty: 727).

Mob. Phone: 8-777-3876600.

E-mail: li-vs@mail.ru

Прикладные аспекты лингвистической прагматики (на материале исследования конфликтных текстов)

Вводные замечания

Прагматический подход к языку и к описанию его единиц в качестве самостоятельной задачи лингвистики сформировался, как известно, в 60-е годы XX в. и в современной науке представлен различными школами и направлениями (см. [28, с. 60-105], [21, с. 66-85], [18, с.59-93], накопившими к настоящему времени значительный багаж интересных и ценных сведений, которые способствуют глубже проникнуть в функционально-коммуникативную природу языка и понять механизм использования его в конкретных речевых актах. Прагматическая лингвистика решает задачи, которые традиционный функционализм не считал областью интересов науки о языке. В структуралистических парадигмах изучение языка отличалось невниманием к сфере его обыденного употребления; функции структурных элементов устанавливались в пределах самой системы языка, тем самым достигалась требуемая в рамках имманентной теории “чистота” описания изучаемого научного объекта. Прагматический аспект в структуралистических исследованиях, в сущности, отсутствует.

Изменение взгляда на язык было во многом подготовлено представителями лингвистической философии (философии языка), в которой стали активно разрабатываться вопросы функционирования языка в речи как составной части человеческой деятельности. В истории лингвистической мысли подобный “деятельностный” подход содержится в концепциях Вильгельма Гумбольдта (“Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)”), представителей психологизма в языкознании XIX в., Э. Бенвениста, К. Бюлера, С.П. Якубинского, С.И. Карцевского и др. Особо следует отметить оригинальную концепцию М.М. Бахтина – В.Н. Волошинова, представленную в книге с удивительной судьбой “Марксизм и философия языка”. Плодотворные идеи этой работы оказались востребованными современной наукой (об этом см. об этом в книге [1, с. 267-272]). В постструктуралистический период в лингвистике, логике, философии формируются концепции использования языка в обыденной речи в соответствии с тезисом Л. Витгенштейна “Вернуть слова от метафизического к повседневному употреблению”.

“Прагматизм” лингвистической прагматики подготовлен был не только эволюцией теоретических идей в науке и философии, но и конкретно-практическими задачами, решаемыми фундаментальными и прикладными отраслями знания с целью создания наиболее действенных моделей речевого поведения в условиях социально-деятельностных контактов. Решение таких задач требовало активизировать разработку наиболее эффективных стратегий и тактик коммуникативного воздействия. И в этих условиях лингвистическая прагматика стала теоретической базой для решения подобного рода

практических, прикладных задач. Вместе с тем у этой отрасли современной лингвистики сформировался собственный научный аппарат, своя методология и своя проблематика. Эта проблематика свидетельствует о том, что задачи, решаемые прагматической лингвистикой, имеют непосредственное отношение к прикладным аспектам языкознания, начиная с теории и практики перевода, лингводидактикой и кончая лингвоконфликтологией и правовой лингвистикой.

1. Теоретическая лингвистика vs. прикладная лингвистика: от противостояния к взаимообогащению

Принято считать, что состояние современной лингвистики, тенденции ее развития невозможно охарактеризовать какой-то единой схемой, поскольку в силу своеобразия онтологии языка, его особой роли в жизни человека и социума в целом, он действительно неисчерпаем и необозрим, как необозрима и жизнь человека. И сам человек живет прежде всего в мире языка, и язык – это «дом Бытия» (по М. Хайдеггеру). Понятно, что этот «дом» неисчерпаем, как бесконечно и неисчерпаемо и само бытие. Такой подход к языку, характеризующийся отказом от рассмотрения языка «в себе и для себя», предопределил такую тенденцию развития современной лингвистики, как формирование новых предметов лингвистики, «освоение новых «территорий», которые традиционно принадлежали другим отраслям научного знания, И лингвистика становится также неисчерпаемой. Неисчерпаемость современной лингвистики не только в том, что она в силу особенностей своего объекта изучения должна быть многоликой, но и в связи с высоким уровнем ее развития, под влиянием разнообразия подходов к языку, наличия многообразных теорий и концепций языка и, наконец, существования различных национальных и региональных школ и направлений, связанных с определенной национально-культурной и научной традицией. Многоликость лингвистики как науки можно объяснить и тем, что тенденции к интеграции гуманитарных отраслей знания, к консолидации наук не по объекту, а по решаемым проблемам привели к лингвистическому экспансионизму, в результате чего сама лингвистика утратила свои четко очерченные контуры. В свое время А.А. Леонтьев в докладе под весьма симптоматичным и полемичным названием «Надгробное слово «чистой» лингвистике» пишет следующее: «Простой анализ, выходящий под маркой общей лингвистики литературы показывает, что она либо носит откровенно прикладной характер, либо перерастает в психолингвистику, нейролингвистику, социолингвистику и т.д., либо, наконец, срастается с логикой как наукой о выводном знании, философией и т.д.» [17, с. 308]. Однако эти «надгробные слова» «чистой», теоретической лингвистике весьма односторонне характеризуют действительное состояние современной теоретической лингвистики, о ее новом облике и новых задачах, решаемых ею совместно с другими отраслями гуманитарного знания, с логикой и философией в том числе: «В основе всех понятий, с которыми оперирует логика и философия, лежат концепты естественного языка, заключающего в

себе океан концентрированного опыта человечества, сокровищницу недостаточно изученных и недооцениваемых знаний... Человек уже произвел (первичный) философский, логический и психологический анализ, и результаты его отражены и закреплены в языке. Прежде чем двигаться дальше в любом из направлений, предлагаемых различными науками, необходимо извлечь все, что возможно из языка, и сделать это должна лингвистика» [32, с. 21]. Современная лингвистика на этом пути извлекла многое из того, что не было замечено традиционной «чистой» лингвистикой. Углубление научной рефлексии способствовало также изменению взгляда на язык, на его онтологические свойства, его предназначение в жизнедеятельности отдельного языкового социума и языкового индивидуума. И все это в совокупности предопределило новую роль лингвистики в системе знаний о мире и человеке и создало мистификацию кажущегося растворения лингвистики в других науках. Но одно бесспорно: противопоставление «чистой», теоретической лингвистики и лингвистики прикладной – не генеральная линия развития науки о языке, скорее, следует говорить о новых отношениях между научными дисциплинами. В связи с этим весьма примечательно мнение Вяч. Вс. Иванова, который в своей книге под много значимым названием «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» пишет следующее: «Связи языкознания, с одной стороны, и шенноновской теории информации и колмогоровской теории сложности, с другой, представляют примеры того, как в будущем могут начать складываться отношения между научными дисциплинами. Вместо традиционно наследуемых и охраняемых условных границ между ними наступит время исследований по проблемам, а не по установленному условному размежеванию сфер занятий. Можно надеяться, что от принятой сейчас традиционной и весьма консервативной классификации знаний уже скоро останутся одни воспоминания» [11, с. 29].

С этим мнением следует согласиться, поскольку, действительно, вместо традиционной «классификации знаний» пришло время нового «отношения между научными дисциплинами». Более того, эти новые отношения привели к новым дисциплинам, которые формируются по проблемам. Понятно, что изменились и задачи самой лингвистики, которая всё отчетливее приобретает облик междисциплинарной области гуманитарных исследований, о чем свидетельствуют такие названия новых «лингвистик», как прагмалингвистика (лингвопрагматика), геолингвистика, урбанистическая лингвистика, гендерная лингвистика, политическая лингвистика, юрислингвистика, лингвокультурология, лингвокриминалистика и др. Все эти дисциплины «носят откровенно прикладной характер», в связи с чем появилось новое противопоставление (или противостояние): теоретическая лингвистика vs. прикладная лингвистика. Однако это противопоставление, как показывают состояние современной лингвистики и основные тенденции ее развития, представляется надуманным, поскольку проблематика теоретической и прикладной лингвистики оказалась единой. Более того, стало совершенно очевидным, что решение прикладной задачи невозможно

без использования научно-исследовательского аппарата теоретической лингвистики, в том числе и прагматической лингвистики. В свою очередь, прикладные задачи выявили новые аспекты, казалось бы, сугубо теоретической проблемы, способствовали формированию новой методологии науки о языке. Всё это заставляет говорить не о противостоянии «чистой», теоретической лингвистики и лингвистики прикладной, а о взаимообогащении их. Покажем это на материале лингвистического исследования текста для решения прикладной задачи, а именно, задачи правового регулирования.

Одно из главных правил проведения лингвистической экспертизы – оставаться в рамках компетенции специалиста-лингвиста и не решать сугубо юридические задачи. Так, при экспертизе конфликтного текста перед лингвистом часто ставится вопрос об оскорбительной направленности, например, газетной публикации. Однако при этом одновременно ставится вопрос и о клеветническом характере публикации. Обычно лингвист-эксперт отвечает, что этот вопрос сугубо правовой и на него должны отвечать судебные органы (см. об этом [1], [5], [6], [19], [23] и др.). Тем не менее, нередки случаи, когда собственно лингвистический анализ текста с использованием научно-исследовательского аппарата лингвопрагматики позволяет определить, считать публикацию клеветой или нет.

В одной из казахстанских газет была опубликована статья, которая была написана на материале интервью, взятого журналистом у независимого юриста, против которого после появления публикации было возбуждено уголовное дело за распространение клеветы в печати. Перед лингвистом был поставлен такой вопрос: «Можно ли считать, что представленная на исследование газетная публикация с интервью Абдулова Р.С. по своей общей направленности, по своему содержанию соответствует понятию, которое в языке обозначается словом «клевета»?». Приводим краткий вариант заключения специалиста.

Для ответа на поставленный вопрос целесообразно провести концептуальный анализ слова *клевета*, поскольку такой анализ в отличие от традиционного лексико-семантического позволяет установить все смысловые компоненты, которые содержит слово как выражение определенного понятия, именуемого концептом. В лингвистике представлено несколько определений термина концепт (от лат. *conceptus*) (см., в частности, работы [2], [8] и др.). Часто его отождествляют со словом *понятие* или *представление*. Обычно же концепт рассматривается как единица нашей когниции, т.е. как представитель всей суммы знаний о каком-либо явлении действительности. Не случайно в некоторых новейших словарях дается такое толкование слову *концепт*: «В лингвистике: исторически сложившийся целостный, понятийно (идейно) нерасторжимый комплекс языковых значений, относящихся к основополагающей ментальной, духовной или жизнеобразующей физической сфере бытия человека» [29, с. 362]. В нашем случае для ответа на поставленный вопрос необходимо определить именно тот «целостный, понятийно (идейно) нерасторжимый комплекс языковых

значений» слова *клевета*, который следует соотнести с содержанием представленной на исследование публикации, прежде всего с содержанием интервью Абдулова Р.С.

Комплекс языковых значений, передающих наши знания о мире, которые представлены в концепте *клевета*, состоит из нескольких смысловых компонентов, отражающих разные аспекты анализируемого концепта (эти смысловые компоненты в лингвистической литературе принято заключать в лапки ('.....')).

Для установления первого смыслового компонента необходимо определить так называемую деривационную природу слова *клевета*. Это слово относится к отглагольным именам типа *дело, работа, забота, тревога, бег*. Слово *клевета* образовано от *клеветать*. Это - глагол несовершенного вида, и его видовая семантика формирует важнейший компонент концепта *клевета*. Несовершенный вид русского глагола имеет несколько значений. В нашем случае актуальным является значение, которое в видовой паре глагола проявляется в сугубо прагматической оппозиции 'контролируемость - неконтролируемость'. При этом совершенный вид (СВ) способен обладать семантическим компонентом 'неконтролируемость', в то время как несовершенный вид (НСВ) обязательно связан с компонентом 'контролируемость'. Наглядно такое соотношение можно продемонстрировать на таких примерах: *Не урони* (СВ)– *Не роняй* (НСВ), *Не разбей* (СВ) – *Не разбивай* (НСВ), *Не упади* (СВ) – *Не падай* (НСВ) и т.п. Как можно заметить, совершенный вид в этих парах обозначает действие, происходящее в случае неконтролируемости его со стороны субъекта, поэтому можно сказать *Не разбей случайно эту тарелку*. Несовершенный же вид в приведенных примерах обозначает действие, зависящее от субъекта, контролируемое им. Поэтому фразы типа **Не разбивай случайно эту тарелку* воспринимаются как неправильные. Показательно, что иностранцы, плохо владеющие русским языком, и в языковом сознании которых еще не сформировалась четко видовая оппозиция русского глагола, могут сказать: **Не открой окно* вместо *Не открывай окно*. Таким образом, *клеветать*, глагол несовершенного вида, содержит в своей семантике компонент 'контролируемость', т.е. обозначает действие, которое контролируется субъектом, полностью зависит от его целей и намерений. Именно этот семантический компонент мотивирует значение слова *клевета*, которое именуется такое действие, состояние или событие, которые контролируются субъектом, зависят от его воли, намерений и целей. Задачей лингвиста для ответа на поставленный судом вопрос является установление именно этих намерений и целей и соотнесение их с семантическим компонентом слова *клевета*. В этом слове, как и в слове *клеветать*, содержится семантический компонент 'порочить, обесчестить', реализующий видовое значение контролируемости. Содержится ли этот семантико-прагматический компонент в представленной на исследование публикации и каковы же ее цели, намерения, прежде всего помещенного в ней интервью Абдулова Р.С.? В тексте интервью эта цель передана след. образом:

При изучении обстоятельств дела и истории взаимоотношений бывших партнеров на протяжении почти пяти лет возникает вопрос – отчего независимый юрист буквально сел «на хвост предпринимателей? Он ведь и по сей день бьет во все колокола, пытаясь привлечь внимание финансовой полиции, органов внутренних дел и прокуратуры, комитета национальной безопасности, агентства РК по борьбе с коррупцией.

Как можно заметить, цель Абдулова Р.С. – борьба с коррупцией и теневым бизнесом, а не желание опорочить и обесчестить кого-либо, т.е. нельзя считать, что у Абдулова Р.С., когда он давал журналисту интервью, было намерение оклеветать кого-либо, распространить через газету клевету. Таким образом, первый смысловой компонент концепта *клевета* ‘опорочить, обесчестить’ отсутствует в исследуемом тексте. Цель публикации – привлечь внимание общественности и правоохранительных органов к коррупции в теневом бизнесе.

Второй семантический компонент концепта *клевета* – ‘надуманность, ложность’. Этот семантический компонент обычно используется при толковании слова *клевета*: «Ложное обвинение, заведомо ложный слух, позорящий кого-л., а также распространение таких слухов» [МАСб. Т. II, 56]. Для решения правовых вопросов и вопросов, связанных с коммуникативными (речевыми) конфликтами, важно не только проверить сообщаемую информацию на соответствие ее действительности, но и определить источник такой информации. Понятно, что первая часть этой задачи (соответствие информации действительности) не является предметом лингвистического исследования, но источник информации может быть установлен. Для этого необходимо провести семантический анализ текста с использованием понятия авторизации. С помощью этой категории излагаемая в тексте информация квалифицируется в отношении источника и способа ее получения. Другими словами, говорящий (пишущий) обязан, сообщая информацию, во-первых, квалифицировать ее как свою или чужую, во-вторых, квалифицировать информацию по способу ее получения. В представленном на исследование материале в качестве средства выражения категории авторизации выступают ссылки на источник полученной информации:

Ко мне подходили родители, чьи дети были замешаны в «кладбищенском скандале», называя прямо организаторов сбора металлолома с могил. Вот когда я впервые услышал о Фариде Исмаилове как о главе группировки.

Этот и другие фрагменты из интервью Абдулова Р.С. свидетельствуют о том, что сообщаемая им информация не является его выдумкой, а взята из указанных им источников. Таким образом, анализ содержания публикации с интервью Абдулова Р.С. свидетельствует о том, что сведения о Ф. Исмаилове не являются какой-то выдумкой Абдулова Р.С.

Третий обязательный семантический компонент концепта *клевета* – ‘негативная информация о ком-либо или о чем-либо’. В данном случае критерий достоверности или ложности сведений не учитывается, а только

признак наличия отрицательной информации, поскольку даже ложные сведения о ком-либо, положительно характеризующие его, не относятся к клевете. Ср, комплименты, дифирамбы, восхваления, панегирики и т.п.

В исследуемом тексте присутствует негативная информация о Ф. Исмаилове, а именно:

В прошлом Фарид Исмаилов возглавлял группировку, которая занималась хищением цветных металлов с городских кладбищ; заведомо ложные показания, фальсификация доказательств, мошенничество в крупном размере, нарушение правил бухгалтерского учета, уклонение от уплаты налогов, распространение наркотиков и порнографии.

Четвертый семантический компонент концепта *клевета* – ‘предосудительность’ - отражает так наз. деонтологический аспект рассматриваемого явления, в нашем случае - соответствие или несоответствие поступка этическим нормам поведения человека. Клевета, распространение клеветы в любом социуме рассматривается как нарушение общепринятых норм морали и поэтому считается предосудительным поступком, осуждаемым людьми. В исследуемом тексте не обнаружено ни одного случая указания на аморальность поступков Абдулова Р.С., на предосудительность его действий. Более того, следует признать, что Абдулов Р.С., активно выступая против нарушений законов, норм поведения и т.п., находит поддержку и одобрение со стороны других людей, которые обращаются к нему за помощью:

Зная о том, что я «воюю» с Исмаиловым, ко мне обращались и другие люди с просьбой пресечь этот беспредел в их районе. В основном, это женщины-пенсионерки, выступать открыто им мешает страх перед ним.

Таким образом, в представленной на исследование публикации отсутствует семантический компонент ‘предосудительность’, поэтому действия Абдулова Р.С. нельзя считать аморальными.

Проведенный концептуальный анализ слова *клевета*, позволяющий установить все его семантико-прагматические компоненты, и сопоставление этих компонентов с содержанием публикации свидетельствуют о том, что только один семантический компонент (‘негативная информация’) присутствует в тексте. Три компонента (‘желание опорочить’, ‘надуманность’, ‘предосудительность’) отсутствуют в представленном на исследование материале. Между тем, совершенно очевидно, что для того, чтобы считать ту или иную публикацию клеветой, необходимо наличие в ней всех семантических компонентов, поскольку концепт (в нашем случае концепт *клевета*) – это «целостный, понятийно нерасторжимый комплекс языковых значений». Таким образом, считать представленную на исследование публикацию с интервью Абдулова Р.С. клеветой нет лингвистических оснований.

Приведенное лингвистическое исследование газетной публикации, основанное на концептуально-прагматическом анализе слова *клевета*, решает прежде всего сугубо прикладные задачи, и вывод об отсутствии каких-либо собственно лингвистических оснований для признания

журналистского материала клеветой отвечает на конкретно поставленный юридический вопрос. Тем не менее, такие экспертизы текста представляют не меньший интерес и для теоретической лингвистики, поскольку анализируемый в них языковой материал позволяет увидеть новые аспекты той или иной лингвистической проблемы и вместе с тем проверить состоятельность определенной научной концепции и соответствующего научно-исследовательского аппарата, в том числе и аппарата прагматической лингвистики.

2. Коммуникативные тактики при речевых конфликтах: лингвопрагматический и социально-правовой аспекты

Коммуникативные конфликты с той или иной степенью остроты сопровождают повседневную жизнь человека и социума в целом. Тем не менее, коммуникативный конфликт - это отнюдь не спор или дискуссия с целью доказать правоту определенной точки зрения, это не обмен мнениями и доказательствами в пользу некоего положения, это и не полемика вокруг определенной проблемы. Коммуникативный конфликт – это особая речевая ситуация, когда наиболее остро проявляются противоречия между собеседниками, в обостренной форме проявляются межличностные отношения и разговор приобретает черты непримиримой борьбы. Каждый собеседник, стремясь непременно одержать победу в такой борьбе, действует по принципу «все средства хороши», придерживается тактики унижения и оскорбления собеседника, игнорирования доводов противной стороны. В такой словесной борьбе собеседники, как правило, не думают о последствиях выбранной ими коммуникативной стратегии и используемых при этом речевых тактиках, хотя все это порой может обернуться против них же: «...не следует забывать, что любая речь, кроме стратегической коммуникативной цели, выполняет функцию самопрезентации автора. Речевые тактики оскорбления, насмешки, издевки могут оказаться бумерангом, способным нанести удар не только по противнику, но и по самому автору» [12, с. 84]. Помимо «самопрезентации», когда автор выставляет себя в невыгодном свете, «бумерангом» могут стать и более серьезные разбирательства, крайней формой которых выступают судебные. В таких случаях суды принимают решение лишь с учетом заключения лингвиста-эксперта, который квалифицированно может провести исследование конфликтного текста, дать ему правовую оценку

Несмотря на то, что лингвистическая экспертиза носит сугубо прикладной характер, решает задачи юридического характера, она не в меньшей мере важна и для лингвистики, поскольку в ней содержится ценный фактический материал и, с другой стороны, на ней можно проверить состоятельность и достоверность определенной теоретической концепции или оценить эффективность предлагаемой научно-исследовательской методики. Для теории речевой коммуникации особый интерес представляют такие лингвистические экспертизы, в которых рассматриваются языковые средства, по которым можно определить характер коммуникативного

поведения собеседников, их коммуникативные цели и намерения. В таких случаях эксперт решает не только юридические задачи, но и собственно лингвистические. Важность такого подхода к лингвистическим экспертизам покажем на примере одной, довольно типичной конфликтной ситуации, когда руководитель учреждения придерживается тактики унижения и оскорбления подчиненного.

В данном случае педагоги Дома школьников (ДШ) Сабуров Е.В. и Юрина И.Н. обратились в суд с иском к директору ДШ Немцовой Н.И. за оскорбление и предоставили суду сделанную педагогами аудиозапись планерки, состоявшейся в ДШ. Судья отправил стенограмму этой записи на экспертизу, поставив перед лингвистом несколько вопросов. Ниже приводятся фрагменты ответов лингвиста лишь на те вопросы, которые касаются речевого поведения директора ДШ, ставшего источником коммуникативного конфликта.

Вопрос 1. Можно ли из анализа записи разговоров определить коммуникативные роли и коммуникативное поведение каждого из участников разговора? Какова общая направленность реплик Немцовой Н.И.. по отношению к Сабурову Е.В.?

По типу речевого поведения участников записанного разговора можно разбить на две группы. В первую группу входят директор учреждения и другие представители администрации, во вторую – вызванный на планерку педагог Сабуров Е.В. Коммуникативные роли у выделенных групп характеризуются противопоставленностью, связанной с разными коммуникативными намерениями говорящих.

Речевое поведение первой группы говорящих представлено четко в высказываниях директора ДШ Немцовой Н.И.. Ее речевое поведение следует квалифицировать как агрессивное. Для такого типа поведения характерны такие признаки речи, как захват коммуникативного пространства, обвинения в адрес собеседника, выраженные в грубой форме, директивные речевые акты, риторические вопросы, устрашения в форме волюнтаристических речевых актов, желание понизить коммуникативный статус оппонента, унижить и оскорбить его. Эти признаки и другие особенности агрессивной тактики проявляются в высказываниях Немцовой Н.И., которым свойственны следующие языковые черты.

1. Категоричные вопросы, используемые обычно при допросах и воспринимаемые адресатом как обвинения:

1) Кабинет ты не сделал? Да!? (Немцова).

2) Я тебе дала один день, пятницу или субботу. Ты, значит, не сделал. Да? А скажи, пожалуйста, что твои бабы, они, значит, моему руководству то звонят с возмущением, жалобами?! У нас не ГКП, у нас не школа, государственное учреждение. Что это твоя Ирина-то, Юрина за тебя так радеет? А?! (Немцова).

2. Директивы-угрозы:

3) Никакой Ирины сюда не пускать. На хрен она нам сдалась (Немцова).

4) Вызови её к себе, спроси, какое отношение она ко мне имеет?! Пусть она письменно напишет, я её за клевету посажу, вместе с Сабуровым... (Немцова).

3. Грубые формы обращения к кому-либо и оценки кого-либо:

5) Она для кого это говорит? Для тебя или тебе все до задницы? (Немцова).

6) ... Ну, ну, это что за придурки–то такие?! (о Сабурове Е.В. и Юриной И.Н.).

7) Дурак ты и идиот! (Немцова Н.И. о Сабурове Е.В.).

4. Неприятие доводов собеседника (негативная истинностная оценка реплики оппонента):

8) - Я родительнице сказал, чтобы она пришла и сделала со мной ремонт кабинета. Я сказал: приду, посмотрю, помогу (Сабуров).

- Она тебя прождала здесь. Мы не имеем права родителей пускать. Вдруг наркотики подбросят или еще что (Немцова).

- Ну. Ремонт кабинета. Это такое дело. Я думал, надо вдвоем делать. В кабинете я ... (Сабуров).

– Нечего оправдываться (Немцова).

5. Указание на профессиональную некомпетентность, служебную недобросовестность:

9) - Я в пятницу был... (Сабуров).

- Я тебе дала один день, пятницу. Ты, значит, не сделал. Да ты же в пятницу не был. Врешь. Не работаешь (Немцова).

Приведенные характеристики речевого поведения директора Дома школьников свидетельствуют о речевой агрессии ее по отношению к Сабурову Е.В. Однако главным признаком подобного поведения следует считать такую поведенческую черту, как захват коммуникативного пространства, отсутствие речевого паритета. Инициатива в ведении диалога принадлежит директору, коммуникативное пространство заполнено преимущественно ее репликами. В представленной на исследовании стенограмме Немцовой Н.И. принадлежат 197 высказываний, в то время как Сабурову Е.В. – 98 реплик. Эти данные свидетельствуют о полном господстве Немцовой Н.И., о ее наступательном речевом поведении. Сабурову Е.В. же принадлежит роль защищающегося, вынужденного оправдываться перед собеседником и давать ему обещания. Поэтому реплики Сабурова Е.В. – это преимущественно информативы-оправдания и комиссивы-заверения:

10) Конечно. Я ремонт сделаю, с мамой я договорился! (Сабуров).

Вопрос 2. Содержатся ли в высказываниях Немцовой Н.И. угрозы в отношении Сабурова Е.В. и Юриной И.Н.?

Угроза как коммуникативный акт передается как вербальными, так и невербальными средствами (жесты, мимика и т.п). В лингвистике принято говорить об особом речевом акте угрозы (менасив). Под угрозой принято понимать намерение говорящего ввести адресата в такое состояние, чтобы он выполнил что-либо в интересах адресанта, а также намерение нанести

физический или моральный вред адресату. Следует иметь также в виду, что угроза тесно связана с другими видами речевых актов, когда, к примеру, директив адресат может воспринять как угрозу. В таких случаях угроза полностью зависит от так называемых речевых импликатур (выводные знания). Этим самым создается возможность говорить о скрытой угрозе (в обыденной речи такое явление принято называть намеком). Прямым средством выражения угрозы является форма будущего времени глагола (*Убью! Прокляну! Расскажу всем* и т.п.). Такие глаголы, именуемые в лингвистике перформативами, являются высказываниями, эквивалентными действию, поступку. Однако часто используются и др. средства выражения угрозы, в основе которых лежит речемыслительная, логическая операция импликации ($X \rightarrow Y$) (Если..., то...), т.е. «действие \rightarrow следствие» (*Если не расскажешься, то расскажу всем*).

В записи разговора представлены открытые и скрытые угрозы, и исходят они от администрации учреждения, прежде всего от его директора Немцовой Н.И., и направлены они в адрес Сабурова Е.В. и Юриной И.Н. Основным средством выражения открытой угрозы выступает, как указывалось выше, глагол (чаще – совершенного вида) в форме будущего времени. Такая угроза отличается экспрессией и явной речевой агрессией. В представленной на исследование записи в такой форме угроза исходит от директора Немцовой Н.И.:

11) Ага, и ты (завуч ДШ), получается, им сказала, вот, отремонтировать, а они стали жаловаться? А зачем эта Ирина...? Вызови её к себе, спроси, какое отношение она ко мне имеет?! Пусть она письменно напишет, **я её за клевету посажу**, вместе с Сабуровым... (Немцова).

Скрытые формы выражения угрозы отличаются большим разнообразием и включают в себя интонационные, лексические, синтаксические средства языка. В анализируемой записи скрытая угроза содержится в следующих высказываниях Немцовой Н.И.:

12) Ты письменно пожалуйся! А я тебя потом познакомлю с одним, который тоже пожаловался. **И он сейчас сидит за клевету, уголовная статья!** Давай так! Давай познакомлю! (Немцова).

Угроза в данных высказываниях представлена в виде речевой импликатуры (системы выводных знаний). Говорящий и слушающий в силу их общих фоновых знаний (пресуппозиций), знания положения дел (ситуации) в своих высказываниях используют косвенные речевые акты, одинаково понимаемые всеми участниками разговора. В данном случае адресант и адресат используют следующую импликатуру. В семантической записи она выглядит так:

‘Адресат хочет пожаловаться на Адресанта’

‘если Адресат сделает это, то он должен знать последствия’

‘последствия известны некоему X-у’

‘X осужден и отбывает наказание’

‘Адресат будет осужден’

Так следует толковать фразу Немцовой Н.И. И она семантически тождественна угрозе, представленной в явной форме: *Я посажу тебя за клевету!* Целью приведенных высказываний Немцовой Н.И. может быть ее желание предостеречь Сабурова Е.В. от нежелательных для всех действий с его стороны. В свою очередь, есть основания считать, что адресат (Сабуров Е.В.) вправе эти предостережения воспринимать как угрозу в свой адрес, поскольку эти высказывания построены по модели менасивного речевого акта.

Вопрос 3. Имеются ли в разговоре неэтичные высказывания со стороны руководства ДШ в отношении Сабурова Е.В. и Юриновой И.Н.?

В практике лингвистических исследований и лингвистических экспертиз принято выделять определенные языковые средства, прежде всего разряды слов, использование которых в отношении какого-либо лица (в том числе и физического) или организации, как правило, является неэтичным, оскорбительным. Такие слова и выражения дают экспрессивную, негативную оценку тому или иному лицу. В представленной на исследование записи такая негативная оценка дается Сабурнову Е.В. и Юриной И.Н. в ряде высказываний директора ДШ Немцовой Н.И. (см. примеры 2), 3), 5), 6) и др.). Кроме того, уничижительный и оскорбительный характер носит использование Немцовой Н.И. прецедентных имен в следующих высказываниях:

13) А!.... Выясни, что это за женщина, которая хлопчет за Сабурова, **что это за графиня Дашкова? И что это у нас за такой вот Альфонс?**

Синтаксические конструкции «что это за...» и ей подобные, используемые в разговорной речи, служат для выражения эмоциональной оценки кого-, чего-либо. В данном случае передается резко отрицательная, оскорбляющая оценка лица. Прецедентное имя «Дашкова» в истории русской культуры связано с женщиной-покровительницей науки, образования, культуры (княгиня Екатерина Дашкова – сподвижница императрицы Екатерины II, президент Петербургской и Российской академий наук). В контексте всего разговора это имя использовано в ироническом, презрительно-уничижительном значении и относится к Юриной И.Н. Такую же функцию выполняет имя «Альфонс» (герой комедии А. Дюма-сына), ставшее нарицательным и называющим мужчину, который находится на содержании у любовницы. В толковых словарях к этому слову обычно дается помета «*презр.*» (презрительное).

Таким образом, анализ записи разговора позволяет заключить, что речевое поведение директора Дома школьников Немцовой Н.И. и ее сотрудников отличается агрессивностью по отношению к вызванному на планерку педагогу Сабурову Е.В. Цель агрессивного речевого поведения – унижить, оскорбить оппонента, в данном случае – Сабурова Е.В.

Анализ коммуникативных тактик, использованных Немцовой Н.И., показывает, что в ее высказываниях имеются признаки правонарушения: «Правонарушения, совершаемые с помощью языка, могут быть квалифицированы по той или иной статье закона только с опорой на текст,

следовательно, назначаемое по конкретному тексту экспертное исследование призвано дать такие ответы, на основании которых будет осуществляться квалификация конкретного правонарушения» [20, с. 372]. В данном случае правонарушение связано с оскорблением конкретного физического лица, обратившегося в суд с целью защиты своей чести и своего достоинства. Подобного рода частные случаи разбирательства еще раз подчеркивают важность формирования в современном динамически развивающемся обществе правового сознания при социальной коммуникации. Именно в этом проявляется некая конструктивная сторона речевых коммуникативных конфликтов (см. об этом [14], [30] и др. работы). Кроме того, следует иметь в виду, что исследование конфликтных коммуникативных практик, как и любых других, «...не ограничивается лингвистическими единицами отдельных уровней языка» и обязательно требует учета «практики использования языка в социальном контексте» [12, с. 134], в том числе и в правовом.

Формирование правового сознания, понимание роли и значения правовых институтов общества, возможность защиты прав и отстаивания своих интересов с помощью судебного разбирательства во многом зависят от отношения к языку не только как средству вербальной коммуникации, но и как орудию речевого воздействия, как способу или средству жизнедеятельности человека и социума в целом. Правовые отношения в значительной степени моделируются языком, языковыми структурами, которые, в свою очередь, могут стать источниками разнообразных юридических коллизий, в том числе и конфликтных, поскольку речевые акты при вербальной коммуникации - это действия с такими же последствиями, как и другие деяния, подпадающие под правовое регулирование и подлежащие экспертной оценке при судебном разбирательстве.

Юридическая практика свидетельствует о том, что многие вопросы по проведению судебно-лингвистической экспертизы требуют не только четкого правового регулирования, но и собственно лингвистического обеспечения при их решении. Конфликтный текст как продукт вербальной деятельности коммуникантов и как объект лингвистического исследования, осуществляемого с целью оказания помощи при решении правовых конфликтов, необходимо рассматривать в соответствии с требованиями самой юриспруденции, с одной стороны, и с положениями лингвистики как отрасли научного знания, с другой. Эти два аспекта исследования конфликтного текста должны иметь в виду все - инициаторы проведения экспертизы и лингвисты, проводящие исследование или экспертизу речевого материала..

3. Языковая игра как средство воздействия на адресата (на материале текстов газетных публикаций)

Языковая игра в современной лингвистике характеризуется как многоаспектное явление. В отличие от логико-философской интерпретации этого феномена, представленной в рассуждениях Людвиг Витгенштейна,

начиная с 70-х годов XX в., языковая игра рассматривается преимущественно в собственно лингвистическом аспекте. Тем не менее, это понятие продолжает оставаться на уровне метафоры. При этом одни лингвисты обращают внимание на использование языковой игры на словообразовательном уровне (Е.А. Земская [9], [10]), другие - на лексико-семантическом (Анна А. Зализняк [8]), третьи – на синтаксическом (В.З. Санников [25]) и т.д. (см. работы [24], [26], [22], [16], [15] и др.). Функциональный аспект языковой игры чаще всего связывают с ее эстетической ролью в определенном тексте: «...языковая игра – это явления, когда говорящий "играет" с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)» [16, с. 474].

В газетно-публицистическом дискурсе использование приемов языковой игры решает не столько художественно-эстетические, сколько прагматические задачи, связанные обычно с коммуникативными конфликтами, приводящими часто к судебному разбирательству, когда журналиста обвиняют в оскорблении, унижении чести и достоинства, подрыве репутации кого-либо. В таких ситуациях объективную оценку публикации может дать только лингвист. Покажем это на примере лингвистической экспертизы серии публикаций в одной из казахстанских газет, посвященной деятельности корпорации INRG, чьи заводы нарушают экологические нормы и наносят вред окружающей среде. Этой теме посвящены были статьи под такими названиями: «Дайте продохнуть, господин N-ов», «Кто заказал заказник?», «Заказной переплет», «Фактор иска», «Дым - нашему дому?», «Щедрость не порок».

Как можно заметить, во всех этих заголовках используются приемы языковой игры, которые в газетных публикациях создают конфликтную ситуацию, когда адресат (в том числе и персонажи, участники событий, о котором идет речь в статье) воспринимает публикацию как оскорбление чести и достоинства кого-либо, как подрыв чьей-либо репутации (о подобных ситуациях см. [16, с. 474-476]). В данном случае именно так восприняли представители корпорации INRG публикацию статей и обратились к лингвисту с вопросом «Могут ли представленные на исследование публикации сформировать у читателя негативное мнение о деятельности компании INRC и ее представителях?». Ответ на этот вопрос решает не только сугубо прагматическую задачу, связанную с праворегулированием, но и собственно лингвистическую, поскольку в нем (в ответе) содержится материал, имеющий непосредственное отношение к исследованию языковых процессов, в том числе семантических, которые определяют специфику газетного дискурса.

Исследуемые тексты газетных статей представляют собой результат такого специфического вида газетной публицистики, как *журналистское расследование*, о чем можно судить уже по названиям публикаций.

Соответственно в них обнаруживается сочетание авторского текста с разными способами передачи чужой речи, от прямой и несобственно-прямой речи участников событий до цитирования и пересказа чужих высказываний.

По жанрово-стилистическим особенностям рассматриваемые материалы представляют собой *аналитические критические статьи*. В соответствии с жанром все статьи наполнены фактологическим материалом, а приводимые факты анализируются, сопоставляются, интерпретируются и оцениваются автором.

Обязательной стилистической приметой газетно-публицистического текста является, как известно, совмещение функций *воздействия* и *сообщения* (информирования), т.е. газетно-публицистический текст призван формировать мнение читателя по актуальным политическим, экономическим, социальным и т.п. проблемам или же оказывать воздействие на уже сложившееся мнение читателя по тому или иному вопросу.

Функциональная направленность анализируемых статей определяется такими его важными с точки зрения психолингвистики компонентами, как заголовки, названия рубрик (подзаголовки), содержание врезок (текста, предшествующего основному тексту статьи). Рассматриваемые публикации объединены не только последовательным анализом логически связанных между собой фактов, но и особым ироническим стилем, о чем свидетельствуют широкое использование художественных приемов, языковая игра, употребление прецедентных высказываний и слов, смысловые аллюзии. Все это позволяет выразить журналисту свою авторскую позицию и воздействовать соответствующим образом на читателя. Таким образом, по своим композиционным и жанрово-стилистическим особенностям рассматриваемые публикации представляют собой аналитические критические статьи в жанре журналистского расследования. Приводимые в статьях негативные сведения о деятельности корпорации INRG свидетельствуют о намерении автора сформировать соответствующее мнение у читателя и общественности в целом.

Особого внимания заслуживают такие существенные структурно-композиционные компоненты текстов, как заголовки. В них использован такой прием речевого творчества, который в лингвистике принято обозначать термином «языковая игра» (каламбурное обыгрывание слов). При языковой игре говорящий (пишущий) осознанно совмещает, сталкивает в одном высказывании несколько смыслов. Это совмещение смыслов (значений слов) основано на семантических трансформациях слов, выражений, своего рода эксплуатации их неоднозначности. Это вызывает у слушающего (читающего) разного рода смысловые аллюзии. Этот прием широко используется в художественных текстах постмодернистского направления, в рекламных текстах, в афоризмах, анекдотах и т.п. жанрах. Языковая игра широко используется и в современной журналистике, особенно в заголовках публикаций, как в данном случае. При языковой игре в основу берется общеизвестное высказывание с определенным, всем известным содержанием. Это содержание в другом высказывании преобразуется в новое, в результате

чего происходит столкновение разных смыслов в одном высказывании. Так, в заголовке «Дайте продохнуть, господин N-ов!» обыгрывается общеизвестное (узуальное) значение слова *продохнуть* ‘вздохнуть полной грудью, свободно’, например: *В этой комнате продохнуть нельзя. В этом зале от такого скопления людей не продохнуть.* В рассматриваемом заголовке это значение трансформируется в новые смыслы, которые в языковом сознании адресата формируются с помощью так называемых речевых импликатур (выводных знаний). Эти импликатуры можно представить в такой семантической записи:

‘X совершает действие P’

‘действие P привело к последствиям K’

‘последствия K отрицательны для всех’

Таково объективное (так наз. диктумное) содержание заголовка. Конкретизация этого значения дается уже в самом тексте статьи. X – это N-ов, один из олигархов, кому принадлежат предприятия, отравляющие атмосферу. И он же – виновник этой тяжелой ситуации, и поэтому к нему обращено требование «Дайте продохнуть!». В этом заголовке содержится в обобщенном виде информация, негативно характеризующая личность (N-ва) и его деятельность.

Вторая статья названа «Заказной переплет». Обыгрывается известное выражение «попасть в переплет», в котором *переплет* имеет значение ‘запутанное, затруднительное положение’. Значение слова *заказной* становится ясным из содержания самой статьи, в которой это слово используется как прецедентное, первоначально использованное по отношению к газетной публикации под названием «Дайте продохнуть, господин N-ов!». Эта публикация представителями корпорации INRG названа заказной, т.е. выполненной по заказу, по поручению (приказу, просьбе) кого-либо: «Завершив отчеты утверждением, что Павлодар является экологически благополучным городом, Феликс Вулис вернулся к статье в нашей газете, назвав ее почему-то заказной».

Автор статьи использует это слово как бумеранг и считает, что заказными являются выступления представителей корпорации INRG. Тем самым они оказались в запутанном, затруднительном положении, т.е. «попали в переплет». Совмещение двух смыслов в одном высказывании создает эффект языковой игры, с помощью которой дается ироническая, а поэтому резко отрицательная характеристика словам и действиям представителей корпорации INRG.

Заголовок третьей статьи «Фактор иска» построен на каламбурном обыгрывании прецедентного выражения «фактор риска» (обыгрывается созвучие слов *риск* и *иск*). Выражение «фактор риска» обозначает обстоятельства, причины, связанные с риском, с возможной неудачей, опасностью. Чаще всего это выражение используется в медицинских текстах. В исследуемом тексте выражение «фактор иска» выполняет дейктическую (указательную) функцию, а именно, указывает, что содержание этого фактора будет раскрыто в последующем тексте:

«Правда, помимо заявлений о том, какие они пушистые и “зеленые”, на пресс-конференции прозвучали и весьма нелестные обвинения в адрес г-на Калмаханова. “Этот человек считает себя супергероем, черным плащом, спасающим Павлодар от смертельной угрозы, - заявил Вулис, демонстрируя отличное знание комиксов. - Хочу официально заявить: мы как компания подадим судебный иск по поводу этой ложной и абсолютно некомпетентной статьи. Это недопустимо - оставлять без внимания вот такого рода заказной наезд, это просто ложь, и я бы назвал это абсолютной провокацией».

Обыгрывание выражений «фактор риска» и «фактор иска» преследует цель негативно характеризовать поступки и слова одного из участников пресс-конференции (в данном случае – главного исполнительного директора INRG Феликса Вулиса).

В заголовке «Дым - нашему дому?» обыгрывается магическая формула заклинаний, пожеланий типа «Чума на ваш дом» «Чума на оба ваших дома», «Мира и благополучия вашему дому» и т.п. Как известно в прототипическом смысле эти речевые акты, часто сопровождаемые невербальными действиями, служили средством воздействия на кого-либо или на что-либо с целью изменения определенного положения дел или состояния объекта заклинания. Эти речевые акты обычно были связаны не только с суевериями и предрассудками людей, но и оказывали сильное воздействие на эмоционально-психическое состояние того, к кому относилось это заклинание. Положительные пожелания-заклинания имеют целью вызвать положительные эмоции по отношению к тому, кто совершает речевой акт пожелания-заклинания. Соответственно, отрицательные пожелания-заклинания формируют резко негативное отношение к прорицателю. В исследуемой публикации в роли такого прорицателя выступает АО «Алюминиевый завод» корпорации INRG, о чем свидетельствует уже содержание начальной врезки: «Павлодарцы против алюминиевого занавеса».

Именно «Алюминиевый завод» выступает тем прорицателем, который пророчит «дым нашему дому». Это намерение приписывается заводу, поэтому понятно отрицательное отношение к нему со стороны читателя. Такова цель и прагматическая функция этого заголовка. Следует также обратить внимание и на то, что в речевых актах заклинания и пожелания, рассматриваемых как действия, реализуются цели, намерения прорицателя, в данном случае – Алюминиевого завода. Эти намерения завода должны вызвать негативное отношение к ним со стороны читателя.

В заголовке «Кто “заказал” заказник?» обыгрывается квазитавтологичность слов *заказать* и *заказник*. При этом читателю уже известно, кто именно выступает в роли «заказчика», поскольку вторая статья композиционно является продолжением первой. Связывает обе статьи врезка «А тем временем...», говорящая о единой теме и общем предмете статей. Этот предмет – намерения АО «Алюминиевый завод» захватить территорию заказника.

Следует также обратить внимание на вопросительную форму заголовков: «Дым - нашему дому?» и «Кто “заказал” заказник?». Такая форма заголовков обычно используется в газетно-публицистических текстах с целью воздействовать на эмоционально-оценочную сферу восприятия читателя, вызвать у него положительный либо отрицательный отклик на сообщаемую информацию. В данном случае авторы публикации намерены сформировать у читателя устойчиво негативное впечатление об АО «Алюминиевый завод».

Статья «Щедрость не порок» по содержанию и общей тональности относится к разряду публикаций, в которых ставятся и решаются сугубо морально-этические проблемы. Такие публикации направлены не столько на информирование читателей о тех или иных событиях и фактах, сколько на формирование определенного мнения общественности. Рассматриваемая статья отличается особым экспрессивным стилем, о чем свидетельствует широкое использование приемов языковой игры. Это позволяет журналисту выразить свою авторскую позицию и воздействовать соответствующим образом на читателя, прежде всего на сферу его эмоционального восприятия. Приводимые в статье негативные сведения о деятельности компании INRG и ее совладельце М-ве свидетельствуют о намерении автора статьи сформировать соответствующее негативное мнение о нем у читателя и общественности в целом. Такая прагматическая установка обнаруживается уже в самом названии статьи, в котором используются семантические трансформации слов, выражений, используемых при языковой игре. Заголовок статьи «Щедрость не порок» обыгрывает прецедентное выражение «Бедность не порок» (название пьесы А.Н. Островского). Сталкивание этих двух выражений, основанное на противопоставлении слов «щедрость» и «бедность», служит средством иронии, сарказма по отношению к тому, о ком идет речь в тексте, в данном случае, по отношению к М-ву. Ирония в данном и подобных случаях создается на основе энантиосемии (об этом явлении см. [7, с. 60-61]), под которой понимается столкновение в одном слове двух противоположных смыслов: ‘щедрость не порок’ ‘щедрость - порок’. Иронический стиль присущ всему тексту статьи, в том числе и в случае с обоснованием действий М-ева по спасению японского музея кимоно и полного бездействия по спасению детей Павлодара, где расположены его заводы:

Вот только кимоно из страны цветущей сакуры до сих пор не видели жители города красного снега - Павлодара, где расположены подразделения INRG (компании “Алюминий Казахстана” и “Электролизный завод”), которые, собственно, и помогают г-ну М-еву увеличивать свое благосостояние, периодически тратя толику нажитого непосильным трудом на спасение чужого культурного достояния. В своих интервью большой души олигарх не раз признавался - он еще тот японист: с детства увлекся этой страной, многому там научился, а потому, когда стало ясно, что с кимоно-то может быть хреновато, его не мучили сомнения.

Ирония и сарказм, присущие стилю статьи, подчеркиваются также обыгрыванием «японской» темы в случаях использования эвфемизмов, служащих заменой нецензурных выражений: *япона мать, японский бог*:

Говорят, что безграничная щедрость г-на М-ва настолько поразила благодарных японцев, что они всерьез последние два года обсуждают вопрос о присвоении ему почетного звания “япона папа”. Впрочем, это, скорее всего, байки завистников. А вот в Павлодаре, узнав о м-евском вкладе в сохранение наследия мировой культуры и его расходах, связанных с этим благим делом, многие помянули “вкладчика” тихим добрым словом, воскликнув: какое благородство, японский бог!

Эти выражения-эвфемизмы, как и собственно нецензурные выражения, служат ярким средством эмоционально-экспрессивного усиления речи, средством выражения недовольства, гнева, удивления. Использование подобных языковых средств в литературных текстах преследует лишь одну цель – воздействовать на эмоционально-оценочную сферу читательского восприятия. В данном случае – восприятие и оценка действий М-ева, преподносимых журналистом как аморальные, бессердечные. Именно таким преподносится читателю личность М-ева, и это, по замыслу автора статьи, должно вызвать у читателя резко отрицательную оценку М-ева и его поступков.

Таким образом, лингвистическое исследование представленных текстов показывает, что одной из целей публикаций, приводимых в них сведений является именно формирование в сознании читателя негативного мнения о деятельности корпорации INRG и ее представителей. И в этом несомненна роль языковой игры как средства воздействия на адресата, на изменение его представлений о действительности.

4. Лингвопрагматический и правовой аспекты исследования конфликтного текста (вместо Заключения)

Вопросы исследования спорного текста как источника речевых конфликтов органично вплетаются в контекст проблематики современной лингвистики. Более того, можно считать, что такое направление, как лингвистика текста со своим уже сложившимся научным аппаратом, с богатейшим опытом изучения текстов разных типов и жанров, начинает уделять особое внимание прикладным аспектам лингвистического анализа текста, в том числе и для решения юридических задач.

Интенсивные разработки юридического аспекта анализа спорного текста ведутся в рамках дискурсивного подхода к языку (изучение юридического дискурса как особого языка), юрислингвистики, судебной экспертизы и др. Все это свидетельствует о лингвистическом экспансионизме, «вторжении» лингвистики в другие отрасли гуманитарного знания, с одной стороны, и существенном изменении облика самой лингвистики, расширении ее предметной области. Без учета этих изменений нельзя не только четко ориентироваться в проблематике лингвистики как науки, но и, главное, успешно решать практические задачи, в том числе и задачи по исследованию

и экспертизе текста. Таким образом, знание современного состояния науки о языке, прежде всего прагмалингвистики, ее научно-исследовательского аппарата – неперенное условие квалифицированной экспертизы юридического материала, прежде всего спорного текста как источника различных конфликтных ситуаций, подлежащих правовому регулированию.

Формирование правового сознания, понимание роли и значения правовых институтов общества, возможность защиты прав и отстаивания своих интересов с помощью судебного разбирательства во многом зависят от отношения к языку не только как средству вербальной коммуникации, но и как орудию речевого воздействия, как способу или средству жизнедеятельности человека и социума в целом. Правовые отношения в значительной степени моделируются языком, языковыми структурами, которые, в свою очередь, могут стать источниками разнообразных юридических коллизий, в том числе и конфликтных, поскольку речевые акты при вербальной коммуникации – это действия с такими же последствиями, как и другие деяния, подпадающие под правовое регулирование и подлежащие экспертной оценке при судебном разбирательстве.

Юридическая практика свидетельствует о том, что многие вопросы по проведению судебно-лингвистической экспертизы требуют не только четкого правового регулирования, но и собственно лингвистического обеспечения при их решении. Спорный текст как продукт вербальной деятельности коммуникантов и как объект лингвистического исследования, осуществляемого с целью оказания помощи при решении правовых конфликтов, необходимо рассматривать в соответствии с требованиями самой юриспруденции, с одной стороны, и с положениями лингвистики как отрасли научного знания, с другой. Эти два аспекта исследования спорного текста должны иметь в виду все: инициаторы проведения экспертизы и лингвисты, проводящие исследование или экспертизу.

Собственно лингвистическая сторона исследования спорного текста предполагает анализ его как целостного речевого произведения, а также отдельных его фрагментов или отдельных языковых единиц. Совершенно ясно, что такой анализ можно сделать лишь на основе и с помощью современного научного и понятийного аппарата лингвистики, чрезвычайно сложного, но вместе с тем точного и обладающего большой объяснительной силой. Эксперт-лингвист прежде всего имеет дело со спорным текстом не как с юридическим документом, а с текстом как таковым, требующим анализа и описания. Естественно, каждый спорный текст содержит присущие лишь ему высказывания, слова, ставшие источником конфликтной ситуации при вербальной коммуникации. Однако природа таких ситуаций и юридическая их квалификация, как известно, определяется предварительно инициаторами проведения лингвистической экспертизы, благодаря этому можно говорить о каких-то стандартных конфликтных ситуациях, определенным образом идентифицируемых юридическими сторонами. В зависимости от типа ситуации можно более или менее определенно судить о круге заданий и вопросов, подлежащих рассмотрению экспертами-исследователями и

действительно входящих в их компетенцию. Естественно, каждый тип конфликтной ситуации требует строго определенного перечня таких заданий и вопросов: для ситуации, связанной с оскорблением чести и достоинства личности, требуется решение строго определенных задач, которые относятся преимущественно к анализу формальной и стилистической организации спорного текста, для ситуации, к примеру, финансовых разногласий, вызванных обычно нечетко или неоднозначно сформулированными пунктами делового договора, необходим совершенно иной перечень вопросов, задаваемых лингвистам-исследователям (здесь вопросы будут касаться преимущественно семантико-смысловой стороны спорного текста). Однако в любом случае эксперт-лингвист при исследовании спорного текста должен учитывать природу языка, его антропоцентричность.

Антропоцентричность языка, его принадлежность человеку и «манипулирование» обыденным сознанием человека вызваны принципиальным свойством языка, которое в лингвистике называется избыточностью языка; следствием ее выступает потенциальная множественность интерпретации речевых произведений, что нередко приводит к коммуникативным неудачам или коммуникативным конфликтам. Решение подобных конфликтов входит, как известно, в компетенцию юридической науки, одной из задач которой является преодоление «избыточности» естественного языка, неоднозначного понимания сказанного или написанного. К числу же центральных задач относится формирование и регулирование собственно юридического языка, т.е. задача преобразования естественного языка в юридический. Для этого у правовых (юридических) отраслей знания имеются свой научный инструментарий и осознание необходимости своей стратегии, «... с одной стороны, стратегии повышения уровня правосознания рядовых граждан и, следовательно, уровня владения ими юридическим языком, с другой стороны, - повышения уровня лингвистических знаний профессиональными юристами, в частности, осознания ими закономерностей обыденного толкования речевых, в частности, его необходимо субъективного характера, неизбежной ориентации на бытовые концепты, вследствие чего вынуждается «разъюрдизация» текста закона; без такого осознания результаты деятельности законодателя могут существенно отдалиться от тех, чье социальное поведение призван регулировать закон» [4, с. 26].

Кроме «разъюрдизации» текстов законов, не менее важной и существенной представляется задача «юрдизации» естественного языка, перевода его в юридическую плоскость, связанного с формированием у носителей и пользователей языка однозначного понимания тех или иных языковых формаций, без чего невозможно вообще правовое регулирование. Понятно, что решить эту задачу невозможно без использования научного аппарата лингвистики, учитывающего антропоцентричный характер естественного языка, его ориентацию на обыденное сознание человека, ориентацию на «бытовые концепты».

Помимо антропоцентрической природы языка, лингвист-эксперт в своей работе вынужден учитывать также функциональный аспект языка (принцип функционализма). Главное в современном функционализме – это принципиальная установка на исследование и описание языка от семантических функций к средствам их реализации в языке. В связи с этим функционализм учитывает разные подходы к языку в зависимости от той роли, в которой выступает пользователь языка при вербальной коммуникации, т.е. различает, в частности, грамматику говорящего и грамматику слушающего. Они не могут быть одинаковыми в силу разных целеустановок того и другого (говорящего и слушающего). Именно несовпадение грамматик (а также лексикона) участников вербальной коммуникации приводит к речевым конфликтам, к неоднозначному толкованию текста или отдельного его фрагмента.

При исследовании содержательной стороны спорного текста лингвист проводит семантический анализ отдельных слов, выражений, предложений и всего текста. В лингвистике используются различные приемы семантического анализа, в том числе компонентного анализа содержательной стороны слова-концепта или выражения. Такой анализ предусматривает установление конечных смысловых элементов, из которых складывается семантика анализируемой единицы языка. В современной лингвистике представлены различные варианты компонентного анализа и, соответственно, различные варианты языка описания, т.е. метаязыка описания значений. Особого внимания заслуживает методика, разрабатываемая в семантической концепции Анны Вежбицкой и в Московской семантической школе. Центральным в этой методике является положение о семантических примитивах, под которыми понимаются слова, семантически неразложимые, не требующие толкования, но с их помощью можно осуществить разложение других слов. В отличие от словарных дефиниций, которые порой сами требуют толкования, семантические примитивы передают конечные компоненты семантической структуры языковой единицы, они самоочевидны и просты.

При лингвистической экспертизе конфликтного текста необходимо учитывать также когнитивный аспект анализируемых единиц, прежде всего слова, рассматриваемого не как единицы лексикона, а как представителя определенной системы знаний о мире, т.е. концепта. Существуют несколько подходов к анализу концепта. Вместе с тем не вызывает сомнения, что лингвосемантический подход следует рассматривать как исходный, базовый, дающий возможность выявления тех категорий, которые непосредственно формулируются и устанавливаются через процедуры инференции (получения выводных знаний) при других подходах (сугубо когнитивном, культурологическом, лингвопрагматическом и др.). При лингвосемантическом подходе к анализу концепта обычно выделяют несколько компонентов его содержания, чаще три – понятийный, образный, ценностный. Третий компонент содержания концепта особенно важно

учитывать лингвисту, поскольку именно он чаще всего является источником конфликтной ситуации при вербальной коммуникации.

Конфликтные ситуации при вербальной коммуникации, как правило, возникают при неоднозначном толковании текста, отдельного его фрагмента или отдельного предложения. В таких случаях каждая из сторон интерпретирует спорные места, сообразуясь с собственными интересами и с собственным пониманием того или иного места, хотя не исключено и иное прочтение оспариваемой языковой единицы. В подобных случаях все возможные смысловые варианты могут быть установлены, в частности, при формальном анализе текста с использованием дистрибутивной и трансформационной методики. Но в любом случае совершенно очевидно, что лингвистическое исследование конфликтного текста проводится только для решения прикладных задач, связанных с правовыми отношениями между людьми: «Экспертиза не претендует на полное исчерпывающее исследование текста, это не входит в ее задачи – оптимальным для экспертного исследования является описание текста, при котором в результирующем представлении зафиксированы только существенные характеристики, которые могут иметь юридические последствия. Правонарушения, совершаемые с помощью языка, могут быть квалифицированы по той или иной статье закона только с опорой на текст, следовательно, назначаемое по конкретному тексту экспертное исследование призвано дать такие ответы, на основании которых будет осуществляться квалификация конкретного правонарушения» [20, с. 372]. Тем не менее, несмотря на прикладной характер, экспертное исследование текста не может быть выполнено квалифицировано без использования научного аппарата современной лингвистики, прежде всего прагмалингвистики, обладающего огромной объяснительной силой, которую следует использовать в качестве доказательной базы при решении правовых вопросов.

Литература

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М.: Языки русской культуры, 2005. -368 с.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Флинта: Наука, 2010. - 592 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
4. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000, с. 8-40
5. Горбаневский М.В. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах. – М.: ГЛЭДИС, 2002. – 380 с.

6. Грачев М.А. Лингвокриминалистика. – Нижний Новгород, Изд-во НГЛУ, 2009. – 280 с.
7. Ермакова О.П. Активные процессы в лексике и семантике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 33-99.
8. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М., 2006. – 672 с.
9. Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М., 2007. – С. 186–193.
10. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – С. 172–214.
11. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. – М., 2004.
12. Иссерс О.С. Исходные посылки для анализа и описания дискурсивных практик // Речевая коммуникация в современной России: Материалы II Международной научной конференции. – Т. 2. – Омск: Вариант-Омск, 2011. – С. 131-138.
13. Князев Ю.П. Адресат в заголовках периодической печати // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – С. 461-470.
14. Комалова Л.Р. Конструктивная коммуникация в конфликтной ситуации // Вестник МГЛУ. № 556. Серия лингвистика. Актуальные проблемы прикладной и экспериментальной лингвистики. – М.: Рема, 2008. – С. 118-225.
15. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Карнавализация как этап в развитии языка // Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – С.-Пб, 2001. – С. 5–26.
16. Лазуткина Г.М. Этика и эстетика как норма СМИ // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – С. [474-476];
17. Леонтьев А.А. Надгробное слово “чистой лингвистике” // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тезисы международной конференции. Т. II. – М.: МГУ, 1995. – С. 308-309.
18. Ли В.С. Парадигмы знания в современной лингвистике. – Алматы: Казак университеті, 2003.- 138 с.
19. Ли В.С. и др. Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике / Карымсакова Р.Д., Тапалова Р.Б. – Алматы: Казак университеті, 2008. – 146 с.
20. Матвеева О.Н. Экспертное исследование конфликтного текста как правового нарушения // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. - М., 2007. - С. 372-377.

21. Москвичева С.А. Новые тенденции развития лингвистической мысли в Европе и России. – М.: РУДН, 2008. – 176 с.
22. Николина Н.А., Агеева Е.А. Языковая игра в структуре современного прозаического текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. – М., 2000. – С. 551–561.
23. Оскорбление и клевета: взгляд эксперта / авторы разделов: Карымсакова Р.Д, Ли В.С.– Алматы: Адилсоз, 2013. – 152 с.
24. Савельев С.В. Языковая игра: аспекты и направления исследования // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV международной научной конференции. Т. 1. – Челябинск, 2008. – С. 218–220.
25. Санников В.З. Русский синтаксис в зеркале языковой игры // Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М., 2008. – С. 455–583.
26. Сковородников А.П. Расширение фигуральных возможностей языка современной российской прессы // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей/ РАН. Ин-т рус.яз. им. В.В.Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2003.– С. 556–564.
27. Словарь русского языка. В 4-х томах. – М.: Русский язык, 1984.
28. Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. – Павлодар, 2009. – м135 с.
29. Толковый словарь русского языка. /Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008.
30. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. – СПб: Питер, 2003. – 250 с.
31. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. - М.: Флинта: Наука, 2009.
32. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М.: Языки русской культуры, 1996.

Сведения об авторе

Ли Валентин Сергеевич;

доктор филологических наук;

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, факультет филологии, литературоведения и мировых языков, кафедра русской филологии; Казахстан, г. Алматы, просп. Аль-Фараби, 71; тел.: 3773339 (вн. 1326).

Дом. адрес: 050002. Казахстан, г. Алматы, ул. Жургенова, 8, кв. 47.

Дом. телефон: 3977251 (код г. Алматы: 727).

Моб. телефон: 8-777-3876600.

**Прикладные аспекты лингвистической прагматики
(на материале исследования конфликтных текстов)**

**Applied aspects of linguistic pragmatics (on a material of research of
conflict texts)**

В работе рассматриваются некоторые проблемы современной лингвистической прагматики, связанные с праворегулированием. Пути решения правовых задач исследуются на материале конфликтных текстов. Вопросы исследования таких текстов как источника речевых конфликтов органично вплетаются в контекст проблематики современной лингвистики. Более того, можно считать, что такое направление, как лингвистика текста со своим уже сложившимся научным аппаратом, с богатейшим опытом изучения текстов разных типов и жанров, начинает уделять особое внимание прикладным аспектам лингвистического анализа текста, в том числе и для решения юридических задач.

Интенсивные разработки юридического аспекта анализа спорного текста ведутся в рамках дискурсивного подхода к языку (изучение юридического дискурса как особого языка), юрислингвистики, судебной экспертизы и др. Все это свидетельствует о лингвистическом экспансионизме, «вторжении» лингвистики в другие отрасли гуманитарного знания, с одной стороны, и существенном изменении облика самой лингвистики, расширении ее предметной области. Без учета этих изменений нельзя не только четко ориентироваться в проблематике лингвистики как науки, но и, главное, успешно решать практические задачи, в том числе и задачи по исследованию и экспертизе текста. Знание современного состояния науки о языке, прежде всего прагмалингвистики, ее научно-исследовательского аппарата – неперемное условие квалифицированной экспертизы юридического материала, прежде всего спорного текста как источника различных конфликтных ситуаций, подлежащих правовому регулированию.

При лингвистической экспертизе конфликтного текста необходимо учитывать также когнитивный аспект анализируемых единиц, прежде всего слова, рассматриваемого не как единицы лексикона, а как представителя определенной системы знаний о мире, т.е. концепта. На материале текстов газетных публикаций дается анализ наиболее существенных концептов, лежащих в основе конфликтных ситуаций.

Несмотря на прикладной характер, экспертное исследование текста не может быть выполнено квалифицировано без использования научного аппарата современной лингвистики, прежде всего прагмалингвистики,

обладающего огромной объяснительной силой, которую следует использовать в качестве доказательной базы при решении правовых вопросов.

Applied aspects of linguistic pragmatics (on a material of research of conflict texts)

In work some problems of modern linguistic pragmatics connected with right regulation are considered. Solutions of legal tasks are investigated on material of conflict texts. Questions of research of such texts as source of the speech conflicts are organically interwoven into a context of a perspective of modern linguistics. Moreover, it is possible to consider that such direction as text linguistics with the already developed scientific device, with a most vast experience of studying of texts of different types and genres, starts paying special attention to applied aspects of the linguistic analysis of the text, including for the solution of legal tasks.

Intensive development of legal aspect of the analysis of the controversial text is conducted within diskursivny approach to language (studying of a legal discourse as special language), yurisljngvistik, judicial examination, etc. All this testifies to a linguistic expansionism, "invasion" of linguistics into other branches of humanitarian knowledge, on the one hand, and essential change of shape of the linguistics, expansion of its subject domain. Without these changes it is impossible not only to be guided accurately in a linguistics perspective as sciences, but also, the main thing, successfully to solve practical problems, including tasks of research and examination of the text. Knowledge of a current state of science of language, first of all pragmljngvistik, its research device – an indispensable condition of the qualified examination of legal material, first of all the controversial text as source of various conflict situations which are subject to legal regulation.

At linguistic examination of the conflict text it is necessary to consider also cognitive aspect of the analyzed units, first of all the word considered not as lexicon units and as representative of a certain system of knowledge of the world, i.e. a concept. On material of texts of newspaper publications the analysis of the most essential concepts which are the cornerstone of conflict situations is given.

Despite applied character, expert research of the text it can't be executed it is qualified without use of the scientific device of modern linguistics, first of all a pragmljngvistika, possessing the huge explanatory force which should be used as evidential base at the solution of legal questions.